

«Толстый генерал» и князь Гремин: превращения литературного образа

© 2022, К.В. Душенко

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: Благородный старик, муж Татьяны, стал частью «сверхтекста» «Евгения Онегина» благодаря опере Чайковского (1879) и «Пушкинской речи» Достоевского (1880). «Постарению» этого образа, возможно, способствовала контаминация с образом князя Верейского из романа «Дубровский». В «Дядюшкином сне» Достоевский обращается к обоим этим образам. Князь Гремин впервые появился в повести Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830). С легкой руки Гоголя фамилия Гремин неоднократно использовалась в качестве нарицательной в ироническом контексте, но Гремин Чайковского — сугубо положительный лирический персонаж. В «Пушкинской речи» муж Татьяны не просто старик, а страдалец «во вкусе Достоевского». Некоторые его черты, вероятно, восходят (помимо воли автора) к трагикомическому образу дядюшки из «Дядюшкиного сна». Пародийная отсылка к образу старика-страдальца из «Пушкинской речи» содержится в рассказе Чехова «Загадочная натура» (1883).

Ключевые слова: «Евгений Онегин», «Дядюшкин сон», А.С. Пушкин, П.И. Чайковский, А.А. Бестужев-Марлинский, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов.

Информация об авторе: Константин Васильевич Душенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Нахимовский пр-т, д. 27, 51/21, 117997 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nlr.ru

Для цитирования: Душенко К.В. «Толстый генерал» и князь Гремин: превращения литературного образа // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 169–182. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-169-182>

С 1880-х гг. представление о героях пушкинского «Евгения Онегина» в массовом сознании складывалось под сильнейшим влиянием оперы Чайковского. По замечанию Сергея Денисенко, «литератур-

ный и театральные тексты перемешались в сознании слушателя-зрителя-читателя “Онегина”, слились воедино, <...> превратившись в *сверхтекст*» [5, с. 251]. Существенной частью этого сверхтекста является образ князя Гремина, мужа Татьяны.

В опере муж Татьяны — одно из главных действующих лиц, у Пушкина — второстепенный персонаж без имени — князь N. В главе 7 это «какой-то важный генерал»; услышав, что он обратил на нее внимание, Татьяна недоуменно спрашивает: «Кто? Толстый этот генерал?» [18, с. 162, 163]. В главе 8 выясняется, что Онегин ему «родня и друг»; князь с ним на «ты» и вспоминает «проказы, шутки прежних лет». Наконец, Татьяна сообщает, что «муж в сраженьях изувечен» и «нас за то ласкает двор» [18, с. 172, 173, 175, 187].

Для Белинского муж Татьяны «с головы до ног» охарактеризован стихами «...И всех выше / И нос и плечи подымал / Вошедший с нею генерал» («Сочинения Александра Пушкина», статья восьмая, 1845) [2, т. 7, с. 464]. Очевиден контраст между авторским, ироническим описанием генерала и возвышающими его словами Татьяны в сцене объяснения с Онегиным. Следует, однако, помнить, что ближайшая цель слов Татьяны — показать недостойность побуждений Онегина.

Вопрос о возрасте князя N долгое время не возникал. В нашумевшей статье Д.И. Писарева о «Евгении Онегине» (1865) единственный, саркастически повторяющийся эпитет мужа Татьяны — «толстый» [16]. В 1874 г. беллетрист-нравоописатель Михаил Авдеев (1821–1876), младший современник Пушкина, называет генерала «изувеченным стариком». Этот старик Татьяне, вероятно, противен, и замуж она вышла «не в силу ясно сознанного долга — она создала себе долг из общепринятой рутины» [1, с. 177, 188].

Представление о муже-старике окончательно закрепилось благодаря опере Чайковского (1879) и «Пушкинской речи» Достоевского (1880). «Татьяна <...> выходит замуж за старого генерала», — сообщалось в школьном пособии по литературе, изданном в 1881 г. [21, с. 153]. Однако уже Н.О. Лернер вполне убедительно показал, что большой разницы в возрасте между Онегиным и мужем Татьяны нет. Князь N принадлежит к числу молодых генералов «двенадцатого года». В главе 8, действие которой начинается осенью 1824 г., Онегину около 28 лет, а мужу Татьяны — «35 лет и уж никак не более сорока» [14, с. 215]. В.Ф. Ходасевич независимо пришел к той же оценке: около 36 лет.

Кроме того, «изувечен», по Лернеру, «не значит ни калека, ни развалина, а просто человек был несколько раз ранен» [14, с. 214]. Такое словоупотребление не вполне обычно; в словаре Даля «изуве-

ченный» означает именно «искалеченный». Тем не менее Лернер, как мы полагаем, был прав, и «изувечен» у Татьяны скорее гипербола, подчеркивающая боевую доблесть ее мужа.

Лернер указывал и причину неверного представления о возрасте генерала: «Когда Чайковский писал свою оперу, а Достоевский говорил речь, русские люди давно перестали вступать в общественную жизнь так рано, как во времена Пушкина» [14, с. 215].

Однако можно предположить и другую причину, а именно контаминацию образа мужа Татьяны с образом князя Верейского из романа «Дубровский» (1833, опубл. в 1841 г.). Сходство сюжетных линий «Онегин — Татьяна — генерал» и «Дубровский — Маша — Верейский» очевидно, как и сходство финалов обоих произведений («Я дала клятву <...>, князь мой муж» [17, с. 221]).

Князь Верейский описан гораздо подробнее, чем князь N.6:

Князю было около 50 лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нем свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами [17, с. 207].

Отношение Маши к навязанному ей жениху, как можно полагать, немногим отличалось от отношения Татьяны к мужу, выбранному для нее родней: «Обращение ее со старым женихом было холодно и принужденно. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный ее безмолвным согласием» [17, с. 213].

В 1859 г. увидела свет повесть Достоевского «Дядюшкин сон». В комментарии к ее изданию в «Полном собрании сочинений» отмечены черты сходства дядюшки с графом Нулиным и Хлестаковым. Между тем вводная характеристика дядюшки (гл. 2) обнаруживает куда более очевидное сходство с портретом князя Верейского: «Князь К. был еще не бог знает какой старик, а между тем, смотря на него, невольно приходила мысль, что он сию минуту развалится: до того он обветшал, или, лучше сказать, износился». «Человек он был к тому же добрейший, разумеется, не без некоторых особенных княжеских замашек»; он мог быть «очаровательно весел», и мордасовские дамы видят в нем «милого старичка» [7, с. 300–301].

Главная пружина сюжета — старания Марьи Александровны, «первой дамы в Мордасове», выдать свою дочь Зинаиду замуж за

князя. Зина любит другого, и Марья Александровна мобилизует все свое красноречие, чтобы уговорить ее согласиться на этот брак (гл. 5). Начинает она с повторения доводов «нового поколения», не признающего брака без любви: «Ужасно поклясться перед алтарем Божиим в любви к тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь!» [7, с. 325]. Но доводы эти приводятся лишь для того, чтобы их опровергнуть, представив брак с выжившим из ума стариком как подвиг христианской добродетели и верх самоотречения:

...Ты, красавица, — жертвуешь старику свои лучшие годы! Ты, как прекрасная звезда, осветишь закат его жизни; ты, как зеленый плющ, обовьешься около его старости <...>. Если ты не веришь в любовь, то обрати свои чувства на другой, более возвышенный предмет, обрати искренно, как дитя, со всею верою и святостию, — и Бог благословит тебя. Этот старик тоже страдал, он несчастен, его гонят <...>. Будь же его другом, будь его дочерью, будь, пожалуй, хоть игрушкой его, — если уж всё говорить! — но согрей его сердце, и ты сделаешь это для Бога, для добродетели! Он смешон, — не смотри на это. Он получеловек, — пожалей его: ты христианка! Принудь себя; такие подвиги нудятся. <...> Есть ангелы Божии, исполняющие это и благословляющие Бога за свое назначение [7, с. 326].

В этом пассаже можно было бы усмотреть пародию на «Пушкинскую речь» Достоевского, не будь она произнесена два десятилетия спустя.

Наконец, эпилог повести содержит прямые переклички с главой 8 «Евгения Онегина». Действие происходит в главном городе «отдаленнейшего края» (вероятно, сибирского), на балу у генерал-губернатора. Чиновник Мозгляков, прежний претендент на руку Зинаиды, узнает, что два года назад в Москве она вышла замуж за генерал-губернатора. Теперь она светская дама, «гордая и надменная»; «ее взгляд небрежно скользнул по его лицу и тотчас же обратился на какого-то другого». Муж Зинаиды — «старый воин, израненный в сражениях, с двумя звездами и с белым крестом на шее». Подобно князю N, он ведет себя «важно и чинно» [7, с. 397]. Вероятно, уже тогда муж Татьяны представлялся Достоевскому «старым воином». «Израненный в сражениях», конечно, парафраза пушкинского «в сраженьях изувечен», что свидетельствует в пользу верности истолкования этого оборота Лернером.

Опера «Евгений Онегин», законченная в начале 1878 г., была впервые поставлена в марте 1879 г. на сцене Малого театра силами учащихся Московской консерватории. Либретто написал сам композитор вместе с К.С. Шиловским. Доля участия обоих авторов либретто остается невыясненной, но, судя по переписке Чайковского конца 1870-х гг., а также по другим примерам его работы с либреттистами, композитор намечал основные сюжетные линии (сценариум), а Шиловский отвечал за стихотворное оформление сюжета.

Здесь безымянный пушкинский князь получил фамилию Гремин. Эта фамилия была уже знакома читающей публике, и вовсе не с лучшей стороны. В повести А.А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830) князь Гремин — командир гусарского эскадрона. Отталкиваясь от пятой и шестой глав «Евгения Онегина» (более поздние были ему еще неизвестны), Марлинский постарался «исправить» пушкинский роман. Герои повести Стрелинский и Гремин — друзья-враги, подобно Онегину с Ленским [13, с. 30]. Гремин влюблен в Алину Звездич, замужнюю даму; муж ее — больной семидесятилетний старик. У Марлинского дело обходится без трагедий: Гремин женится на Ольге, сестре Стрелинского, сумевшей помешать их дуэли.

Фамилии героев повести — «говорящие». Фамилия Звездич указывает на блестящее положение Алины в свете; Стрелинский — от слова «стрелять»; Гремин — от слова «гремять» (в словаре Даля приведен также синоним «гремять» и прилагательное «гремящий», с ударением на первом слоге.) В ряде публикаций (напр.: [5]) персонаж оперы Чайковского именуется Грёминым — вероятно, по театральной традиции; обстоятельства появления этой формы имени нам неизвестны.

С «Испытания» начинается Белинский разбор беллетристического творчества Марлинского в обширной статье о нем 1840 г. Среди разительных изъянов повести назван здесь язык Гремина и прочих персонажей, «склеенный из азбучных афоризмов, ходячих сентенций и острот, вычитанных из плохих романов» [2, т. 4, с. 40]. Именно в этой связи упомянут Гремин в «Мертвых душах» Гоголя, опубликованных два года спустя после статьи Белинского: Чичиков «уже готов был отпустить ей ответ, вероятно ничем не хуже тех, какие отпускают в модных повестях Звонские, Линские, Лидины, Гремины и всякие ловкие военные люди» [3, с. 152].

С этого времени фамилия Гремин вплоть до 1870-х гг. многократно использовалась в качестве нарицательной, обычно в ряду других «романических имен».

«Фамилии действующих лиц всегда самые романические: Славины, Гремины, Альмские, Лирины, Звонские, Светины, Лидины и т. д. <...> ...Графы, князя <...> отличаются такою тонкостью обращения, таким остроумием, о каких, можно сказать решительно, и понятия не имеют люди того большого света, который существует не в романах, а в действительности» (Белинский в рецензии 1842 г.) [2, т. 6, с. 442].

«Князя Звонские, Гремины и Лидины выгнаны из литературы» (Аполлон Майков в 1849 г.) [15, с. 81].

«*Звонские, Гремины и Лидины*, являвшиеся в повестях Марлинского, конечно очень смешны <...>» (Аполлон Григорьев, «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая», 1859) [4, с. 502].

«...Иные и не подозревают, что Гремины, Звонские, Лидины Марлинского — денщики, переодетые в барские мундиры» [12, с. 248].

«Когда лучшие люди онегинского времени были подавлены до совершенной апатии и перемерли от хандры, за ними появились, с одной стороны, Звездичи и князя Гремины, с другой Чичиковы, Бетрищевы и вся их стая»; «Звездичи и Гремины были действительными представителями своего времени и общества. <...> ...Гремины, Стрелинские и Правины — эта пустота, одетая в блестящий лоск богатства, светскости и салонного остроумия»; «Гремины и Чичиковы существуют и процветают доселе» [1, с. 49, 50, 51]. Этот пример особенно показателен, поскольку здесь пустые и ничтожные «князя Гремины» противопоставляются «лучшим людям онегинского времени».

П.Н. Ткачев в рецензии на первые части «Анны Карениной» (1875) писал, что граф Вронский — это «Гремин или Лидин новейшего времени» [20, с. 38]. Связь сюжета толстовского романа с «Евгением Онегиным» хорошо известна, и роль Вронского соответствует роли Онегина, но, конечно, не мужа Татьяны.

Несмотря на столь одиозную репутацию фамилии Гремин, у Чайковского князь — сугубо положительный лирический персонаж и к тому же старик, вопреки сложившемуся представлению о Гремине как молодом офицере. Сведений о чтении Чайковским Марлинского не имеется [19]; можно предположить, что либреттисты воспользовались «звонкой» фамилией, не задумываясь о ее литературной генеалогии.

Неоднократно отмечалось, что знаменитая ария «Любви все возрасты покорны» имеет существенно иной смысл, нежели пушкинская строфа, начинающаяся с того же стиха. У Пушкина (гл. 8, XXIX)

благотворность любви для «юных, девственных сердец» противопоставляется ее бесплодности в «позднем возрасте»:

Печален страсти мертвой след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг [18, с. 178] .

У Чайковского же:

Ее порывы благотворны <...>
И закаленному судьбой
Бойцу с седою головой [10, с. 63].

«Ты, как прекрасная звезда, осветишь закат его жизни», — в устах Марьи Александровны из «Дядюшкиного сна» этот романтический штамп — чистое лицемерие, как и уподобление жены старика-князя «ангелу божьему». В арии Гремина те же образы даны как нельзя более серьезно:

Она блистает, как звезда во мраке ночи,
В небе чистом,
И мне является всегда
В сиянье ангела,
В сиянье ангела лучистом!.. [10, с. 64].

Во время репетиций и после первых представлений «почитатели Пушкина, как, например, М.Н. Катков», были недовольны «отступлениями от Пушкина» [11, с. 142]. Тургенев, высоко оценив музыку Чайковского, в самых резких выражениях отзывался о либретто оперы [5, с. 250].

Оперный Гремин изъясняется едва ли не языком Марлинского¹. Отсюда не следует, будто авторы либретто сознательно обращались к творчеству автора «Испытания»; тут мы имеем дело с ходячими псевдоромантическими клише, которыми избилует либретто и которые коробили слух тогдашних, а нередко и позднейших почитателей Пушкина.

¹ У Марлинского князь Гремин о своей возлюбленной говорит, что она «сверкает звездой на модном горизонте» (что выделено курсивом в статье Белинского 1840 г.) [2, т. 4, с. 39].

В первоначальном варианте либретто после возгласа Онегина «Ты — моя!» Татьяна, уступив чувству, падает в его объятия. Возшедший муж делает Онегину знак удалиться, после чего следовало заключительное восклицание Онегина: «Позор! Тоска! О, жалкий жребий мой!» [5, с. 445]. Более развернутый «канонический» финал появился уже после «Пушкинской речи» Достоевского.

Эта речь была произнесена 8 июня 1880 г. Здесь муж Татьяны — «старик-генерал», и не просто старик, а «страдаец во вкусе Достоевского», как сказал бы Чехов, — «...измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его». Возможно ли «замучить всего только лишь одно человеческое существо, <...> пусть <...> смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика» и «на слезах этого обесчещенного старика» возвести здание своего счастья? [8, с. 142]. Читавшие «Дядюшкин сон» могли бы тут вспомнить речь Марьи Александровны перед Зинаидой: «Этот старик тоже страдал, он несчастен, его гонят. <...> Он смешон, — не смотри на это. Он получеловек, — пожалей его: ты христианка!» [7, с. 326].

Отметим также довольно неожиданное упоминание о Шекспире, и притом в составе типично гоголевского оборота. У Гоголя избыточный оборот 'какой-нибудь' встречается необычайно часто; особое сгущение оборотов подобного рода наблюдается в «Повести о капитане Копейкине», например: «Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми! или там эдакая какая-нибудь Литейная; там спиц эдакой какой-нибудь в воздухе <...>» [3, с. 523].

В «Селе Степанчиково» (1859) монологи Фомы Опискина содержательно и стилистически пародируют Гоголя. Здесь интересующий нас оборот относится уже к историческим личностям, причем упоминаются они в пародийных рассуждениях о добродетели: «... преисполненного добродетелями, которым <...> может позавидовать даже какой-нибудь слишком прославленный Александр Македонский». «А тут, может быть, сам Макиавель или какой-нибудь Меркаданте перед ними сидел, и только тем виноват, что беден и находится в неизвестности» [9, с. 68, 90].

В «Дядюшкином сне» Марья Александровна упоминает Шекспира поминутно в той же стилистике: «начитались там какого-нибудь вашего Шекспира»; «романтизм, навеянный этим проклятым Шекспиром» и т. д. [7, с. 405, 425]. Обращение к образам и речевым формулам «Дядюшкиного сна» в 1880 г., понятно, не могло быть сознательным, но и случайным его едва ли можно считать. Образ

дядюшки в повести — не комический, а трагикомический, и некоторые его черты, как мы полагаем, отразились в «Пушкинской речи» помимо воли ее автора.

Именно тогда Чайковский переделал финал оперы. 22 октября 1880 г. А.И. Чайковский писал брату: «Донельзя счастлив, что ты согласился на эти перемены. Ей богу, почти не приходится говорить об “Онегине”, чтобы сейчас же не зашла речь о том, что ты напрасно поправлял Пушкина. Все это наделала речь Достоевского и его августовский номер “Дневника”» [6, с. 84]. Премьера новой редакции оперы состоялась в московском Большом театре в январе 1881 г. Татьяна уже не падает в объятия Онегина — она берет на себя роль проповедника-моралиста, словно бы вторя «Пушкинской речи»:

Но пыл преступный подавив,
Долг чести суровый, священный
Чувство побеждает! [5, с. 473].

Стилистическая какофония либретто достигает своей кульминации. Не случайно Станиславский в 1922 г. обратился к первоначальному тексту, и с тех пор опера ставится в двух редакциях.

Известно, что Чехов относился к творчеству Достоевского настороженно, а почти все упоминания о нем и его героях в чеховских рассказах выдержаны в пародийной тональности. Наиболее известный пример такого «отгалкивания от Достоевского» — рассказ «Загадочная натура» (1883). В купе первого класса встречаются «хорошенькая дамочка» и Вольдемар, чиновник и начинающий писатель.

«— О, я постигаю вас! — говорит чиновник особых поручений, целуя ее руку около браслета. — Ваша чуткая, отзывчивая душа ищет выхода из лабиринта... Да! Борьба страшная, чудовищная, но... не унывайте! Вы будете победительницей! Да!»

Дамочка охотно принимает предложенную ей роль:

«— <...> Я страдальца во вкусе Достоевского... Покажите миру мою душу, Вольдемар, покажите эту бедную душу!».

«— Чудная! — лепечет писатель, целуя руку около браслета. — Не вас целую, дивная, а страдание человеческое! Помните Раскольникова? Он так целовал» [22, с. 90–91].

Однако в «Загадочной натуре» можно отыскать отсылку не только к «Преступлению и наказанию»:

Я жаждала чего-то необыкновенного... не женского! И вот... И вот... подвернулся на моем пути богатый старик-генерал... Поймите меня, Вольдемар! Ведь это было самопожертвование, самоотречение, поймите вы! Я не могла поступить иначе. Я обогатила семью, стала путешествовать, делать добро... А как я страдала, как невыносимы, низменно-пошлы были для меня объятия этого генерала, хотя, надо отдать ему справедливость, в свое время он храбро сражался. Бывали минуты... ужасные минуты! Но меня подкрепляла мысль, что старик не сегодня — завтра умрет, что я стану жить, как хотела, отдамся любимому человеку, буду счастлива... [22, с. 91–92].

Тема «страданий по Достоевскому» уже прозвучала, поэтому «старик-генерал», который «храбро сражался» и ради которого дочка готова принести себя в жертву, напоминает о «Пушкинской речи». В то же время мысль о возможности выйти замуж за любимого человека после смерти старика мужа повторяет доводы, которыми Марья Александровна в «Дядюшкином сне» убеждает Зинаиду выйти замуж за князя.

В концовке рассказа гротескные «страдания по Достоевскому» доводятся до абсурда:

— Но вот старик умер... <...> Теперь-то и отдаться любимому человеку, сделаться его подругой, помощницей, носительницей его идеалов, быть счастливой... отдохнуть... Но <...> я несчастна, несчастна, несчастна! На моем пути опять стоит препятствие! Опять я чувствую, что счастье мое далеко, далеко! Ах, сколько мук, если бы вы знали! Сколько мук!

— Но что же? Что стало на вашем пути? <...>

— Другой богатый старик... [22, с. 91–92].

Итак, родословная князя Грешина не сводится только к последним главам «Евгения Онегина» и опере Чайковского. Свою роль в создании этого образа сыграли роман Пушкина «Дубровский», повесть Марлинского «Испытание», «Дядюшкин сон» и «Пушкинская речь» Достоевского, а также литературная критика 1850–1870-х гг.

Литература

1. *Авдеев М.В.* Наше общество (1820–1870) в героях и героинях литературы. СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1874. 291 с.
2. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
3. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6: Мертвые души. [Ч. 1]. 924 с.
4. *Григорьев А.А.* Литературная критика. М.: Худож. лит., 1967. 630 с.
5. *Денисенко С.В.* Пушкинские тексты на театральной сцене в XIX веке. СПб.: Нестор-История, 2010. 532 с.
6. *Домбаев Г.* Творчество Петра Ильича Чайковского в материалах и документах. М.: Гос. муз. изд-во, 1958. 635 с.
7. *Достоевский Ф.М.* Дядюшкин сон. (Из мордасовских летописей) // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.; Л.: Наука, 1972. Т. 2. С. 296–398.
8. *Достоевский Ф.М.* Пушкин (Очерк). Произнесено 8 июня в Заседании Общества любителей российской словесности // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.; Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 136–149.
9. *Достоевский Ф.М.* Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.; Л.: Наука, 1972. Т. 3. С. 5–168.
10. Евгений Онегин П.И. Чайковского / На стихи А.С. Пушкина. М.: Гос. муз. изд-во, 1963. 72 с. (Оперные либретто).
11. *Кашкин Н.Д.* Воспоминания о П.И. Чайковском. М.: Гос. муз. изд-во, 1954. 225 с.
12. *Колошин С.П.* Светские язвы: Повесть // Утро: Лит. сб. М.: Тип. Барфкнехта, 1859. С. 215–343.
13. *Кулеиов В.И.* А.А. Бестужев-Марлинский // *Бестужев-Марлинский А.А.* Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. С. 5–32.
14. *Лернер Н.О.* Муж Татьяны // *Лернер Н.О.* Рассказы о Пушкине. Л.: Прибой, 1929. С. 213–216.
15. [Майков А.Н.] Выставка в Императорской Академии художеств. Октябрь, 1849 // Современник. СПб., 1849. Т. 18, № 1. С. 58–84 (2-я паг.).
16. *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский. «Евгений Онегин» // *Писарев Д.И.* Соч.: в 4 т. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1956. С. 306–364.
17. *Пушкин А.С.* Дубровский // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. С. 159–223.
18. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6: Евгений Онегин. 700 с.
19. *Савинцева В.А.* Князь Гремин А. Бестужева-Марлинского: об одном гипотетическом прообразе персонажа из оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского //

Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. Екатеринбург, 2016. № 11–2. С. 32–38.

20. *Ткачев П.Н.* Критический фельетон // Дело. СПб., 1875. № 5. С. 13–42 (3-я паг.).

21. *Цветков А.А.* Образцы русской словесности (применительно к курсу средних учебных заведений). Отдел III. Пушкинский период (до Гоголя включительно). СПб.: Э. Гартъе, 1881. 616 с.

22. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. 584 с.

Research Article

“The Fat General” and Prince Gremin: Transformations of the Literary Image

© 2022. Konstantin V. Dushenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The noble old man, Tatiana’s husband, became part of the “supertext” of “Eugene Onegin” thanks to Tchaikovsky’s opera (1879) and Dostoevsky’s “Pushkin speech” (1880). The “aging” of this image, possibly, was facilitated by the contamination with the image of Prince Vereisky from Pushkin’s novel “Dubrovsky.” In the story “Uncle’s Dream” Dostoevsky refers to both of these images. Prince Gremin first appeared in the story in Bestuzhev-Marlinsky’s story “The Trial” (1830). Thanks to Gogol’s example, the surname Gremin was repeatedly used as a household name in an ironic context, but Tchaikovsky’s Gremin is purely positive lyrical character. In “Pushkin speech,” Tatyana’s husband is not just an old man, but a sufferer “in the taste of Dostoevsky.” A parody reference to this image is contained in Chekhov’s story “The Mysterious Nature” (1883).

Keywords: “Eugene Onegin,” “Uncle’s Dream,” A.S. Pushkin, P.I. Tchaikovsky, A.A. Bestuzhev-Marlinsky, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov.

Information about the author: Konstantin V. Dushenko — DSc in History, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nahimovsky Prospekt 27, 51/21, 117997 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nl.n.ru

For citation: Dushenko, K.V. “‘The Fat General’ and Prince Gremin: Transformations of the Literary Image.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 169–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-169-182>

References

1. Avdeev, M.V. *Nashe obshchestvo (1820–1870) v geroiakh i geroiniakh literatury*. [Our Society (1820–1870) in Literary Characters]. St. Petersburg: K.V. Trubnikov Publ., 1874. 291 p. (In Russ.)
2. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1953–1959. (In Russ.)
3. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.], vol. 6: *Mertvye dushi* [Dead Souls], [pt. 1]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1951. 924 p. (In Russ.)
4. Grigor'ev, A.A. *Literaturnaia kritika* [Literary Criticism]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 630 p. (In Russ.)
5. Denisenko, S.V. *Pushkinskie teksty na teatral'noi stsene v XIX veke* [Pushkin's Texts on the Theater Stage in the 19th Century]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010. 532 p. (In Russ.)
6. Dombaev, G. *Tvorchestvo Petra Il'icha Chaikovskogo v materialakh i dokumentakh* [Works of Pyotr Ilyich Tchaikovsky in Materials and Documents]. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1958. 635 p. (In Russ.)
7. Dostoevskii, F.M. "Diadiushkin son (Iz mordasovskikh letopisei)" ["Uncle's Dream (From the Annals of Mordasov)"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.], vol. 2. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 296–398. (In Russ.)
8. Dostoevskii, F.M. "Pushkin (Ocherk). Proizneseno 8 iunia v Zasedanii Obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti" ["Pushkin (Essay). Pronounced on June 8 at the Meeting of the Society of Lovers of Russian Literature"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.], vol. 27. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 136–149. (In Russ.)
9. Dostoevskii, F.M. "Selo Stepanchikovo i ego obitateli: Iz zapisok neizvestnogo" ["The Village of Stepanchikovo and its Inhabitants: From the Notes of an Unknown"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.], vol. 3. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 5–168. (In Russ.)
10. *Evgenii Onegin P.I. Chaikovskogo / Na stikhi A.S. Pushkina* [Eugene Onegin by P.I. Tchaikovsky / On A.S. Pushkin's Poems]. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1963. 72 p. (In Russ.)
11. Kashkin, N.D. *Vospominaniia o P.I. Chaikovskom* [Memories of P.I. Tchaikovsky]. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1954. 225 p. (In Russ.)
12. Koloshin, S.P. «Svetskie iazvy: Povest'» [«Sores of Society: a Story»]. *Utro: Literaturnyi sbornik* [Morning: Literary Collection]. Moscow, Barfknekht Publ., 1859, pp. 215–343. (In Russ.)
13. Kuleshov, V.I. A.A. «Bestuzhev-Marlinskii» [«A.A. Bestuzhev-Marlinsky»]. *Bestuzhev-Marlinskii A.A. Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981, pp. 5–32. (In Russ.)

14. Lerner, N.O. “Muzh Tat’iany” [“Tatyana’s Husband”]. Lerner, N.O. *Rasskazy o Pushkine* [Stories about Pushkin]. Leningrad, Priboi Publ., 1929, pp. 213–216. (In Russ.)
15. [Maikov, A.N.] «Vystavka v Imperatorskoi Akademii khudozhestv. Oktiabr’, 1849» [«Exhibition at the Imperial Academy of Arts. October, 1849»]. *Sovremennik*, vol. 18, no. 1. St. Petersburg, 1849, pp. 58–84 (2nd pag.). (In Russ.)
16. Pisarev, D.I. “Pushkin i Belinskii. ‘Evgenii Onegin’.” [“Pushkin and Belinsky. ‘Eugene Onegin’.”]. Pisarev, D.I. *Sochineniia: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1956, pp. 306–364. (In Russ.)
17. Pushkin, A.S. “Dubrovskii” [“Dubrovsky”]. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t.* [Complete Works: in 17 vols.], vol. 8. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1948, pp. 159–223. (In Russ.)
18. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t.* [Complete Works: in 17 vols.], vol. 6: Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1937, 700 p. (In Russ.)
19. Savintseva, V.A. “Kniaz’ Gremin A. Bestuzheva-Marlinskogo: ob odnom gipoteticheskom proobrazе personazha iz opery ‘Evgenii Onegin’ P.I. Chaikovskogo” [“Prince Gremin by A. Bestuzhev-Marlinsky: about one Hypothetical Prototype of a Character from the Opera ‘Eugene Onegin’ by P.I. Tchaikovsky”]. *Muzyka v sisteme kul’tury: Nauchnyi vestnik Ural’skoi konservatorii*, no. 11–2, Ekaterinburg, 2016, pp. 32–38. (In Russ.)
20. Tkachev, P.N. “Kriticheskii fel’eton” [“Critical Feuilleton”]. *Delo*, no. 5, St. Petersburg, 1875, pp. 13–42 (3rd pag.). (In Russ.)
21. Tsvetkov, A.A. *Obraztsy russkoi slovesnosti (primenitel’no k kursu srednikh uchebnykh zavedenii). Otdel III. Pushkinskii period (do Gogolia vkluchitel’no).* [Samples of Russian Literature (in Relation to the Course of Secondary Educational Institutions). Section III. Pushkin’s Period (up to and Including Gogol)]. St. Petersburg, E. Gart’e Publ., 1881. 616 p. (In Russ.)
22. Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975. 584 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021
Одобрена после рецензирования: 05.02.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 09.12.2021
Approved after reviewing: 05.02.2022
Date of publication: 25.06.2022